

Мишель Комаровски

---

*Сказки
тетушки
Смерть*

Мишель Комаровски

Сказки тетушки Смерть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855233

ISBN 9785449601827

Аннотация

Харон, переправляя души на ту сторону реки забвения, слышал множество историй, печальных и смешных, трагических и комических. Кое-что он рассказывал своей тетушке по имени Смерть, и она решила их записать. Было это или не было, будет или не будет – никто не знает. Истории вновь возвращаются к нам из глубин сна, который мы сновидим вместе. Эти сказки – общечеловеческие истории, наполненные радостью и болью, которой мир отзывается в сердцах людей, живущих на этом свете.

Содержание

Бродяга	5
Горизонт событий	10
Озеро	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сказки тетушки Смерть

Мишель Комаровски

© Мишель Комаровски, 2018

ISBN 978-5-4496-0182-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бродяга

Как шумит восточный базар! Высоконогие верблюды – словно горы, а погонщики на них – джинны, небесными реками расстилаются шелка, красавицы, проплывая мимо, как облака по небу, задевают расшитыми подолами играющего в пыли Мустафу. Жарко пахнет кардамоном, мускатным орехом, имбирем.

А вот и нищий, грязный бродяга, борода его свалылась, как шерсть на боках верблюда, одежда – лохмотья. Что ему надо здесь? Нет, не для него пахлава, шелка и серебро. Милостыню? Торговец хмурится, когда нищий даже не смотрит на брошенный ему медяк. Зазнался?

В руке у бродяги камни, которые он поднял на дороге. Разноцветные – розовые, как рассвет, пустынно-желтые, белые, голубоватые... С нежностью он перебирает их, словно ласкает руки красавицы. Смотрит на них – как в очи любимой.

– Получай! – в его сторону летит камень, черный, как око дэва. Из толпы выбегает ватага мальчишек, друзей Мустафы. Сумасшедший поднимает голову и смотрит на них мутными, непонимающими глазами. В него летит еще один камень, потом еще и еще. Он поворачивается и уходит.

– Догоняй! – кричат мальчишки и Мустафа бежит вместе с ними. В его руке зажата палка.

Грозный мулла Абу Салах преграждает путь мальчишкам,

глаза его пылают огнем. Крепкая рука служителя Аллаха хватает Мустафу.

– Пойдемте, дети, я расскажу тебе историю этого бродяги, – его голос звучит, как небесный гром, карающий грешников, от которого не спрятаться, не скрыться.

Мальчишки покорно плетутся за Абу Салахом, прочь от суеты базара. Родник, маленькая кипарисовая роща. Мустафа ждет наказаний, но грозные морщинки на лице Абу Салаха разглаживаются, взгляд обращается к бледно-голубому небу, выцветшему от солнца, как старый шелк. Мулла начинает рассказ.

– Давно, когда вас еще не было на свете, в Хорезме жили Лейла и Юсуф. Юсуф был совсем как вы, мои непослушные сыновья. Однажды за водой к колодцу и увидел юную красавицу. Она пела и птицы на ветвях умолкли, чтобы лучше слышать ее, деревья склонили ветви, чтобы уберечь ее нежное личико от палящих лучей. Юсуф притаился в роще, боясь спугнуть красавицу. Она наклонила кувшин и вода источника сама прыгнула внутрь, повинаясь волшебному голосу. Подняла корзинку – и деревья зашуршали листвой, бросая спелые финики. Удивился Юсуф чуду такому и не мог оторвать взгляд от юной пери.

Как зачарованный, он подошел к ней.

– Твоя корзинка тяжела! Позволь мне донести ее до твоего дома.

Пери взглянула на него, и взгляд этот поразил Юсуфа в са-

мое сердце.

– Не стоит трудов. Мне ветер поможет донести ее.

Юсуф моргнул – красавица исчезла, как и не бывало, только пустынный буранчик крутил возле его ног сухие листья.

– Скажите, как ее зовут? – закричал он в отчаянии.

– Лейла, – пели птицы, шелестели пальмы, звенел ручей.

Влюбленному сердцу нет препятствий и вскоре он узнал, где она живет. Юсуф провожал ее к роднику, нес тяжелые корзины с базара, а лучшей наградой ему было – слушать ее хрустальный голос. Ничего большего ему и не нужно было.

Отец Лейлы желал ей только добра. Он объяснил дочери, что родители ее избранника бедны. А жена его, мачеха Лейлы, поддакивала – «Зачем же зять, коли нечего взять?» Зачем Лейле Юсуф, если просить ее руки приезжал сам визирь Рахман.

Визирь этот был стар, страшен, борода его достигала колен, а живот вываливался из штанов. А говорил он таким голосом, что птицы мертвыми валились с ветвей. Но он считался завидным женихом – и каждые пять лет у него была новая молодая жена. А что случалось с прежней – то люди не ведали. Страшно стало Лейле.

И прибежала она к своему возлюбленному вся в слезах и условились они отвязать под покровом ночи лошадей, да ускакать в неведомые края, где земля цветет круглый год, у деревьев сосцы с молоком, как у коров, а смерти то и вовсе, говорят, не бывает. А до ночи решили они разойтись по до-

мам.

Мачеха догадалась обо всем, и, чтобы падчерица не убежала из-под венца, заперла ее под замок. Заколотила гвоздями дверь, и окна тоже забила крест на крест, чтобы Лейла возлюбленного своего не видела. Чтобы не забрался он к Лейле ночью и не испортил невесту визиря. А Юсуф ждал всю ночь, понимая, что без нее не найти ему ту волшебную страну, где счастливо живут влюбленные.

Горькие слезы лила Лейла, сидя в своей темнице, не ела, не пила, становясь тоньше пергамента и прозрачнее воды в роднике. Ходил ее возлюбленный вокруг дома с заколоченным окном, только отгоняли его злобные собаки. Когда же пришла пора свататься и визирь появился на пороге, только тогда открыла мачеха дверь, чтобы полюбовался он, как прекрасна и стройна его невеста. Рахман вошел в дом, ставший темницей – сначала вошло его пузо, потом – борода, а потом и он сам. А Юсуф тайком прокрался во двор, прячась за спинами сватов и видел все, что происходило. Лейла, бледная, как полотно, сидела на скамейке. Она уже не плакала. Ее взгляд, безучастный ко всему, коснулся лица богача, а потом она увидела любимого, выглянувшего из-за парчовых спин сватов.

Тут легкий румянец коснулся ее щек, она потянулась Юсуфу навстречу. Но не могла уже идти и упала на яркие ткани, устилавшие дорогу жениху. Она упала и... рассыпалась. На миллионы капель воды, на тысячи желтых листьев,

на сотни мотыльков и пташек, на бессчетное количество песчинок и камушков. Вода впиталась в землю, листья ветер раскидал по двору, а мотыльки и пташки разлетелись. Теперь Лейла всегда могла быть с Юсуфом – осенним листом, журчанием ручья, птичьей песней, бабочкой, садящейся ему на руку. Она так хотела быть с ним, что растворила себя в каждом предмете, окружавшем его.

А ее возлюбленный, с этих пор собирает камушки, капли росы, опавшие листья – трепетно, один к одному, надеясь собрать возлюбленную воедино. Именно его ты встретил на базаре сегодня. Он странствует по миру. В руках его – горсть камней. В сумке – опавшие листья.

Щеки мальчишек горят. Не от полуденного жара, а от стыда. Глаза муллы печальны, он смотрит не на мальчишек, а вдаль, туда, где небо целует пустыню, укутав ее голубым платком.

Горизонт событий

Присядь ко мне, сестра, отдохни и ты, пока старики спят на своих скрипучих кроватях. Уколы, капельницы будут потом, а сейчас я хочу рассказать тебе, как я был молодым. Старый дед не надоест тебя, красавица, долгим разговором.

Когда-то давно я был учителем в школе. Я стоял у доски и учил чему-то детей, иногда смешных, иногда жестоких. Что я преподавал? Кажется, физику.... Ничего не помню... все съело безжалостное время... Только одно всплывает.... Горизонт событий.... Это, знаете, что такое?

Вы говорите – постоянное, как звезды... Ведь действительно, звезды намертво приклеены к небесной сфере, и не может быть такого, что глядя в телескоп, астроном потеряет одну из них? Нет, бывает такое, но ведь звезда не исчезает в никуда, она просто меняет форму, это тоже самое, когда на месте куколки вы находите бабочку... А тут... Представьте, что звезды начали бы пропадать целыми скоплениями? Компания звезд сказала бы вам вдруг – «Надоели тут все!» и ушла, хлопнув дверью. А за ней одна, а потом – вторая. А все оттого, что нам повезло – мы живем слишком далеко от горизонта событий. Он, именно он кушает звезду за звездой .... Точнее, когда звездочка разгоняется так сильно, что красное смещение... нет, точнее ее относительная скорость становится больше скорости света и она больше

не видна в телескоп... Или термин «горизонт событий» относится к черным дырам? Как бы то ни было, что-то исчезает, продолжая существовать для самого себя... Я, наверное, опять путаю, я всегда все путаю теперь... А восстановить память нет возможности, это как старая, полустертая кассета, на которую много, много раз что-то записывали, так что и перемешалось все. Только бестолковый шум теперь.

Так вот, вблизи этого горизонта разогнавшиеся звездочки пропадают сами собой. А что чувствует сама звездочка? Наверное – для нее ничего и не меняется, она и не успевает ничего понять... Как и человек... А для нас – они пропадают, целыми отрядами, ротами, батальонами... Бойцы на невидимой войне...

Вот вчера я только ходил со своим потертым портфелем в школу, там еще черноглазый Петька мазал мелом края парт, чтобы девчонки пачкались... А теперь – я старик. Тоже не успел понять, когда это случилось. Невидимая линия приближается ко мне, и все маяки, ориентиры исчезают с моего небосклона, я и не знаю теперь, куда держать путь, я заблудился... Скоро и сам я исчезну.

Какое лето за окном, сестра, сестричка! Открой его, пожалуйста, я хочу, чтобы яблоня роняла свои лепестки на подоконник. Нельзя? Негигиенично? Ну, так мы никому не скажем!

Мне кажется, что воспоминания мои постепенно утекают за горизонт... Сегодня, только сегодня, мне снилось, а мо-

жет это был не сон... Детская площадка, зеленая коляска, и я, маленький, держу на пальце божью коровку, которая еще меньше меня. Она взлетает, стукнув меня по носу и напугав. Я бегу к маме и вцепляюсь ей в подол, в синюю волнующую клетку, пахнувший молоком.

А потом все как-то быстро закружилось, куда-то исчез терпкий запах зеленых стеблей травы, первая любовь, старенькая мама, и я вот снова, один, здесь, с вами.

И вкус лета здесь совсем другой – не вкус меда, а вкус пыли на языке.

Я знаю, сестра, я скоро встану. Подойду к окну, оно будет открыто, как сейчас. Сяду на подоконник, свесив вниз узловатые ноги. Яблоня еще не успеет осыпаться, она приветливо махнет мне зеленой ладонью.

И прыгну вниз. Обрюзгший, отвыкший от полета, я сначала пойду прямо к земле, но ветер поможет мне, и, перенесет через больничный забор. Там, я коснусь ступнями травки, мягкой, как грива жеребенка, и пойду... И с каждым шагом я буду становиться все моложе, сильнее, ко мне будет возвращаться память.

Я пойду туда, и даже луч света не сможет догнать меня.

Я исчезну для вас за горизонтом событий, там, где живут мои воспоминания, где ждет меня первая любовь, где поет молодость, где смеюсь я на руках молодых родителей.

И я не обернусь назад.

Озеро

Тело во власти спазма, руки и ноги сведены судорогой, голова запрокинута назад, привычная боль. Так было много раз до этого, и теперь уже почти не страшно. Какое-то время я не могла дышать, а когда вновь вдохнула – как из черной глубины вынырнула – в руках лежало золотое яйцо. Оно было размером с голову ребенка и блистало таким ясным светом, какое бывает только у солнца на рассвете. На его скорлупе были разбросаны более темные, цвета меди, пятна, напоминающие очертания материков. Яйцо было тяжелым и теплым, я провела пальцем по шероховатой скорлупе, и мне почудилось, что внутри бьется сердце. Ребенок, которого я так хотела... Некогда любоваться, быстрее, быстрее, пока Алексей не проснулся. Я зарыла яйцо в песок и всплакнула, пролив несколько слезинок, будто это могло оживить бесплодную землю.

– Почему ты не рядом? – издалека послышался окрик. – Ты куда опять пошла?

Не успела... Алексей увидел яйцо в руках и грубо оттолкнул меня. Швырнул яйцо на камни, но оно не разбилось. Тогда он склонился над золотым шаром, озарившим его лицо нежными бликами, и ударил булыжником. Раздался всхлип, который отозвался глубокой болью, я, скрывая слезы, убежала в шатер.

На следующий день, выйдя к колодцу за водой, я увидела, что золотые осколки разметал ветер, а там, где сидел Алексей, лежит камень, намертво вплавившийся в бурый, цвета засохшей крови, песок.

А потом высох колодец, наверное, последний колодец в этом городе и нужно было снова собирать самодельный шатер, увязывать утварь в тюки, грузить на задумчивого осла и идти дальше, в неизвестность, туда, где может быть, еще остался живой колодец. Алексей сказал, что это все из-за меня, из-за того, что я произвела на свет золотое яйцо. Будто я могла что-то сделать... Слезы покатались по щекам.

«Ну что ты, я ведь люблю тебя», – сказал Алексей, как медяк кинул. Извинился? Нет, боги не извиняются. Им нужно над кем-то властвовать, повелевать. А если он никем не управляет – то какой же это бог? А у Алексея осталась только я. Нет, он – само совершенство, идеален во всем и даже бывает добрым, правда, только тогда, когда я веду себя хорошо. Ну что подделаешь, раз я – всего лишь земная женщина, недоделка, а он – бог, сошедший с неба и между нами огромная пропасть... Но я люблю его, как никого и никогда не любила до этого. Может – в этом все и дело. У меня только любовь и осталась от прошлого, благополучного мира.

***

Плетусь по колючему песку, который немислимым обра-

зом забирается в ботинки, пылит, отчего глаза очень быстро становятся красными и хочется закрыть их и не открывать. Когда смыкаю веки – вижу Алексея, его гордый, устремленный вперед профиль, открываю – этот же гордый профиль рядом – высеченный в голубом граните неба и подсвеченный солнечными лучами. Даже сейчас, когда не осталось уж почти надежды, когда конец света близок, он остается самим собой. Не поддается панике, в отличие от большинства, облегчивших работу голоду и болезням – переубивавших друг друга. И не догадаешься, что он так же, как и все, не знает, что делать дальше. Но с ним я чувствую себя хоть немного защищенной – это он увел меня из города, он совладал с толпой, устраивающей давку возле колодца, только он заставляет двигаться дальше.

Когда я познакомилась с ним, то не знала, что он бог. Просто видела, что все в жизни у него получается само собой, легко, без всяких усилий. И, конечно, он был сказочно красив, вежлив, галантен, красиво ухаживал и сделал так, что я ни в чем не нуждалась – а я – молодая глупышка, влюбилась без памяти.

Неприятности начались позже – когда я начала производить на свет золотые яйца.

«Не волнуйся», – говорил он, и уносил новорожденное яйцо неизвестно куда. Только потом, случайно зайдя в подвал дома, я обнаружила горы золотой скорлупы на заляпанном кровью полу. Я ревела, не ела, резала себе вены, и до-

билась, в конце концов его объяснений. Алексей сказал – он уничтожает яйца для моего же блага. Из них может появиться на свет полукровка – Сатана, который восстанет против него, бога, в чьем владении находится наш мир. А потом и уничтожит его.

Но мир рухнул сам. Земля превратилась в бесплодную пустыню, постепенно, незаметно, и мой бог ничего не смог поделать. Поэтому мы и скитаемся теперь, как тысячи других несчастных, которые еще пока не окончили свое существование, погребенные песками.

***

Лязг, скрежет, гул большой толпы. Чудовище – вижу впереди огромный, нестерпимо сверкающий на солнце панцирь, медленно исчезающий среди барханов, и от испуга хватаюсь за руку Алексея. Его ладонь тверда и прохладна, он спокоен. Показалось, наверное, мираж, обманка.

Подходим ближе. Люди – муравьи, суеются вокруг глубокой воронки, подходят близко – и страшно, вдруг провалятся. А в середине – словно муравьиный лев, роющий западню, в землю вгрызается железный человек, высотой с двухэтажный дом. Вблизи он уже не кажется таким блестящим – наоборот, видны ржавые потеки, сочленения нудно скрипят при каждом движении, сухая трава свисает из клепанных швов. Вместо ладоней у гиганта – ковши, наподобие экскава-

торных, которыми он ловко раскидывает песок. Толпа стоит и, не отрываясь, смотрит на это завораживающее зрелище. Мы тоже подходим почти к краю, я, вцепившись в Алексея, смотрю вниз – на дне котлована уже видна влажная земля – значит, скоро и вода будет. Роет колодец, и воды в нем хватит на всех. Значит, тут и останемся.

Ставим шатер в тени бархана. Алексей касается губами мочки уха. Ему нравится мучить меня своей любовью, он знает, что его страсть сильнее меня. Поддаюсь ему, растворяюсь в объятиях, забываюсь на время. Поцелуи раскаленными монетами ложатся на мою кожу, так что не остается живого места, я кричу, от боли и наслаждения, выгибаюсь. У него – кажется, тысячи рук, и они обхватывают меня коконом, обвивают древесными корнями и я не могу двигаться, могу только иступленно стонать. Я подвешена в его сетях, вниз головой – бабочка, попавшая в сети к пауку и жаждущая, чтобы ее съели. Насладившись мной, выпив до дна, он вламывается в меня, потом следует взрыв сверхновой, сметающий все на своем пути.

Истерзанная и обессиленная, я не могу даже подняться, только лежу и смотрю на грязный, выцветший полог, колышущийся над головой, слушаю шум, доносящийся издалека. Мыслей нет – их смыло цунами.

***

А потом на память приходит странный механизм. Нечто подобное я видела в Москве, на ВДНХ, когда была еще школьницей. Механический человек, могучий строитель светлого будущего, такие, как он выполняли самую тяжелую работу – осуществляли поворот северных рек, работали на стройках, распахивали целину. Говорят, в кабину сверхчеловека замуровывали заключенных, оставляя лишь маленькое окошко для пищи и трубку для отведения продуктов жизнедеятельности. И они работали в жару и в холод, валяли деревья, заправляли необструганными бревнами прожорливую топку, до тех пор, пока не погибали от нечеловеческих условий, или не ломался грубый механизм, который становился для них жестяным гробом.

Придя в себя, я решила сходить в селение.

– Я схожу за водой, – крикнула Алексею, дождалась ответа, замотала шею платком, чтобы скрыть свежие следы укусов и побежала к котловану. Меня не столько интересовала вода, сколько человек – робот.

В котлован вел пологий пандус и внизу, в жидкой грязи уже топтались люди, опуская кувшины на веревке в озерцо мутноватой воды. Тот, то выкопал колодец, отдыхал в тени, отбрасываемой кучей им же вынутой земли.

«Как ему, наверное, жарко...» – проваливаясь в рыхлую почву, подобралась прямо к ржавой ноге исполина. Посмотрела вверх – люк, располагавшийся на груди, был вырван и у истертых до блеска рычагов никого не было.

– Горшки, глиняная утварь! Вот вы, девушка, не хотите купить новый кувшин? – словно из-под земли вырос молодцеватый парень.

– Нет, – я прижала к груди свой, надтреснутый кувшин, сохранившийся еще с той поры, когда концу света не верили.

– А вот и да! – он толкнул меня, и кувшин упал на камни, расколовшись на несколько кусков. – Ваша старая мещанская рухлядь теперь ни к чему. Покупай! – он ткнул мне в нос кособокую крынку, нагло оглядел меня. – Она стоит ровно столько, сколько твои золотые сережки!

– Отстань от девушки, – между ними встал суховатый старичок интеллигентного вида, опирающийся на тросточку. На его шее болталась колба, до половины наполненная мутноватой водой и заткнутая пробкой. – На кой черт тебе сейчас золото? Извинись перед ней, отдай кувшин и иди восwoяси. Не позорь воду, которую ты пьешь.

– Только если ты отдашь мне мензурку, старый пердун, – куражился парень. – Что там у тебя? Слезы? Или что похуже? Он козлом наскაკивал на старика, норовя опрокинуть того в песок.

– Нет, ничего, все нормально, не связывайтесь с ним, – я взяла старика за руку. – Если ему уж так нужны сережки, пускай берет.

Я протянула ему две алмазные капли в золотом обрамлении.

– А теперь разреши выбрать, – сказала я, протянула руку

и опрокинула лоток, заставленный кособокой посудой прямо в ухмыляющееся лицо.

Старик не растерялся и ударил нахала тростью под колени. Неуклюже завалившись, парень упал, а я развернулась и пошла в сторону пустынного заката. Людей сегодня больше видеть не хотелось.

– Постой! – окликнул меня старик. Я остановилась – он подошел и вложил алмазные сережки мне в ладонь.

– Возьмите себе – вам они нужнее. У меня ж парень – бог, – горько сказала я, опускаясь на песок, – пусть сам теперь наколдует и серьги и воду.

– Разрешите присесть рядом, – сказал старик и вдруг его разобрал истерический смех.

– Петр Семенович, – представился он, вдруг став серьезным. – Всегда к вашим услугам. Нет, ну надо же, как мы нахала осадили, я получил кристально-чистое удовольствие, а то все негатив, да негатив вокруг.

– Как странно, скоро все мы умрем, а кого-то еще волнуют драгоценности, – сказала я.

– Он еще не верит в скорое наступление конца света. Счастливый, в некотором смысле, человек – думает о будущем. Он считает, что оно наступит, – саркастически усмехнулся старик. – Как дети, ей богу. Нет, я не говорю, что человечество погибнет от засухи. Готовь побиться об заклад, люди перебьют друг-друга значительно раньше.

Я молчала, задумавшись.

– Вы у нас недавно? Учтите, ночью будут беспорядки, и если ваш спутник не уверен, что сможет защитить вас, то лучше уйти дальше в пустыню.

– Думаю, Алексей выкрутится.

Этот вечер был несказанно хорош и я поняла, как истосковалась по беседе с умным и вежливым собеседником. Вот только Алексей бесцеремонно телепортировал меня в шатер, когда ему вновь захотелось любви. Как должно быть испугался старичок, когда, не договорив фразы, девушка вдруг исчезла.

***

Утром у изголовья моей кровати стоял кувшин – точная копия разбитого. И взяв его, я вновь отправилась на поиски человека из машины. Алексей что-то кричал мне вслед, но мне уже было все равно. Ночью у нас опять была ссора – я просила спасти их всех, а он говорил о том, что не вправе вмешиваться. Я умоляла хотя бы остановить беспорядки – как и предупреждал старик, ночью были слышны крики и стрельба. Я говорила, что он не бог больше, что растерял всю свою силу. В ответ на это Алексей заставил расцвести розы на соседних барханах и устроил небольшой водопад. Только вот к утру розы увяли, а вся вода ушла в песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.